

лия (XIII—XIV в.) — пример вселенского рецепта³. *Луллиевы* круги исчерпывают, по замыслу их создателя, все субстанции и акциденции, все абсолютные и относительные предикаты мира. Вращение кругов по определенным правилам должно было дать правильные комбинации субстанций и предикатов — ответы на все случаи жизни. Это первый «кибернетический робот», который, как задумано, мог все.

Рецептурным оказывается и искусство. Разве *Дантов «Ад»*, например, с его иерархией кругов и рвов (в пределах каждого круга) не предполагает рецептурно однозначную иерархию человеческих грехов? Это выраженный в негативной форме (даны лишь запреты) величественный моральный рецепт⁴.

И лишь «*ars moriendi*» — «искусство умирания», в коем и выявляется с наибольшей силой средневековое я для бога — мистическое интимное действие — пребывает вне рецептурных приемов.

Христианская концепция мира как изделия (*Лактанций*, IV в.) предполагает законченность этого мира, его изготовленность. Любое действие — лишь комментирование мира, копирование образца. Священнодейственный характер рецепта помогает совершенствованию образца, но не выходу за его пределы.

Между тем строгие одежды средневекового мастера, напаянные на мага-чудодея, выглядят разностильно. Канонический рецепт средневековья утрачивает однозначность. Разноречие магических действий. От образца — к образу. На этом же, впрочем, пути замышляются действия в обход божественному предопределению, противу послушнической покорности. Эти действия в обход — вопрошающие, изобретательские действия — внеположны узаконенному христианству. И все-таки в рамках христианства. Одной ручной работы не достаточно. Нужно еще вмешательство природы — силы, стоящей выше человека. Но силу эту нужно еще упротить — втайне от других, от бога и даже... от самого себя. Уговорить, убедить, влюбить в себя⁵. А это уже совсем не поступок послушника. Это в некотором роде еретический акт, хотя и оформлен в подчеркнуто приличных терминах. Заставить надчеловеческую силу полюбить средневекового *homo faber'a* — это значит превысить человеческие возможности, вступив в соперничество с богом, особенно усердно ему молясь.

Итак, магия есть второй — после мистики — враг рецепта. Правда, магия не отменяет, а лишь преобразует рецептурное предписание. Впрочем, магия и алхимия не тождественны. Но общая территория их взаимодействия есть. Теперь же, вспомнив все то, что говорилось об

³ Возможно, проект вселенского рецепта *Раймонда Луллия* восходит к арабскому прототипу. Опосредованное влияние *Аверроэса* (XII в.) на замысел «*Великого искусства*» считают несомненным.

⁴ «*Божественная комедия*» как рецепт — лишь одна из возможных, во многом обесцвеченных проекций живого произведения искусства на категориальную сетку средневекового мышления.

⁵ «Застраховать от волшебства волшебством» (Манн, 1968, 1, с. 698).